

О приготовленіи проповѣдей.

Трудное ли дѣло проповѣдническое, или, говоря иначе, требуетъ ли особаго труда составленіе проповѣдей, предлагаемыхъ настыремъ народу?

Въ автобіографическихъ запискахъ Теремина, извѣстнаго гомилета и проповѣдника первой половины прошедшаго столѣтія, приложенныхъ къ изданію его гомилетики, озаглавленной: „*Краснорѣчие добродѣтели*“ (1888 г.), мы встрѣчаемъ такой разсказъ. Когда Теремину было около восьми лѣтъ, онъ присутствовалъ при разговорѣ своего отца, сельскаго пастора съ его собратомъ по служенію, о проповѣдяхъ. Слушая молчаливо бесѣду двухъ проповѣдниковъ, онъ вдругъ сталъ передъ ними и сказалъ: „проповѣдывать, должно быть, очень трудно“. Отецъ Теремина ничего не сказалъ на это замѣчаніе мальчика, а его собесѣдникъ засмѣялся и сказалъ: „этого ты не понимаешь; со временемъ увидишь, что ничего нѣтъ легче, какъ проповѣдывать“. Тереминъ записалъ это обстоятельство потому, что въ немъ видѣлъ и указывалъ девизъ всей своей жизни; другіе ему говорили, что проповѣдывать очень легко, а онъ всегда находилъ, что проповѣдывать очень трудно ¹⁾.

¹⁾ Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. The mann 1888 S 3.

дей,—протоіерей Григорій Дьяченко. „Простая проповѣдь отъ сердца, по примѣру апостоловъ,—не приготовленная и не записанная,—вотъ въ чемъ, по его словамъ, правильная постановка проповѣдническаго дѣла. Люди искажили даръ слова, свободный, какъ движеніе, и онъ сталъ труденъ. Созданы искусственные тормазы для его проявленія, построены цѣлыя многосложныя теоріи ораторской рѣчи и церковнаго краснорѣчія. Прочь все эти пути и тормазы! Въ послѣдніи восемь, десять лѣтъ начинаютъ постепенно проходить старые предрассудки относительно проповѣдничества... Долой тетрадки, долой формализмъ, долой рутину! Пусть раздастся живое слово, слово убѣжденія“¹⁾.

Упрощенный взглядъ на проповѣдь, какъ непринужденную бесѣду, не требующую особеннаго труда отъ проповѣдника, проводитъ Церковный Вѣстникъ²⁾. „Пусть пастырь (такъ поучаетъ Церковный Вѣстникъ) русскимъ толковымъ языкомъ сдѣлаетъ перифразъ прочитаннаго евангелія или апостола, оставитъ отъ себя нѣсколько подходящихъ религіозно-нравственныхъ наставленій,—и достаточно“...

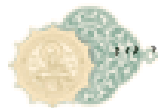
Итакъ, забота о составленіи проповѣдей, по мнѣнію видныхъ представителей нашей духовной литературы,—старый предрассудокъ, который нужно оставить.

Такъ ли это?

Мы не можемъ раздѣлять такого мнѣнія,—не можемъ первѣе всего потому, что дѣло проповѣдника считаемъ дѣломъ высокимъ и святымъ, требующимъ отъ служителя церковнаго слова всевозможнаго съ его стороны вниманія. А это вниманіе влечетъ за собою усердіе и трудъ. Чтобы совершать достойнымъ образомъ сятое дѣло, порученное проповѣднику, отъ него ожидается и требуется возможное съ его стороны напряженіе душевныхъ силъ, ему дарованныхъ.

¹⁾ Изъ посмертныхъ бумагъ протоіерея Гр. Дьяченко. Страницы, мартъ 1904 г. Ст. „Средства борьбы съ антихристіанскимъ духомъ современнаго общества“.

²⁾ Церковный Вѣстникъ, 1905 г. № 30 „О проповѣдничествѣ“ (передовая статья).

Какое же мнѣніе болѣе состоятельно и справедливо? Мнѣніе ли сельскаго пастора, много дѣль несшаго на себя долгу проповѣдничества, или мнѣніе Теремина, съ юныхъ лѣтъ занятаго мыслію о проповѣдничествѣ, изложившаго свои сужденія объ этомъ предметѣ въ оригинальной замѣчательной системѣ, и пріобрѣтшаго себѣ видное мѣсто въ исторіи гомилетики и проповѣдничества?

И то и другое мнѣніе находитъ защитниковъ. Выслушивая сужденія по этому вопросу, расходящихся до противоположности, затрудняешься сразу установить правильную точку зрѣнія на это дѣло. У представителей того и другого воззрѣнія есть свои, болѣе или менѣе вѣскіе, основанія.

Въ нашей литературѣ послѣднѣго времени замѣтно склоненіе къ первому мнѣнію. Для пастыря (говорить о немъ или занимавшихся гомилетическими вопросами) болѣе или менѣе приготовленнаго къ выполненію своего служенія, проповѣдь должна быть простымъ, естественнымъ дѣломъ, которое не должно затруднить его. Пусть онъ говоритъ, что знаетъ и что находитъ нужнымъ сообщить народу,—говорить такъ, какъ ведетъ непринужденную бесѣду въ кругу знакомыхъ. У него не должно быть ни малѣйшей заботы ни о приступѣ, ни о риторическихъ фигурахъ, ни о патетической части и заключеніи, ни о красотѣ рѣчи. Мы забыли, до какой степени простою, безыскусственною и краткою рѣчью должно быть проповѣдническое слово. Нечего проповѣднику много думать и трудиться надъ тѣмъ, что и какъ сказать ¹⁾

Совѣршенно согласно съ нимъ говорятъ другой, недавно скончавшійся, представитель проповѣдничества, издавшій въ печати нѣсколько огромныхъ сборниковъ своихъ проповѣ-

¹⁾ По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки М. Тарѣвскі 1903 г. т. V. Проповѣдь, какъ живое слово, стр. 171.

При общемъ высокомъ значеніи проповѣдническаго дѣла, требующаго вниманія къ себѣ, и каждый частный актъ его, т. е. каждая частная проповѣдь не должна быть предоставляема одной случайности. Нуженъ трудъ какъ для совершенія проповѣдническаго служенія вообще, такъ и для всѣхъ частныхъ отдѣльныхъ проявленій его. Иное отношеніе, освобождающее отъ труда проповѣдника, и предоставляющее ему говорить, какъ онъ можегь, безъ особенныхъ заботъ о томъ, что и какъ скажется, не будетъ ли сочтено признакомъ легкомыслія? И не можетъ ли пасть на проповѣдника, такъ легко относящагося къ высокому и святому дѣлу Божию, обвиненіе въ небрежномъ исполненіи его? А Писаніе угрожаетъ проклятіемъ всякому, творящему дѣло Божіе съ небреженіемъ (Іер. XLVIII, 10).

Думаю, что проповѣдь возрастетъ въ силѣ и дѣятельности, когда будетъ раздаваться, какъ живое не сочиненное слово. Она можегь возрасти количественно, если каждый легко будетъ относиться къ ней и будетъ имѣть смѣлость говорить, какъ придется. Но не послужитъ ли это къ пониженію проповѣди въ качественномъ отношеніи, если будутъ смотрѣть на нее, какъ на простую непринужденную бесѣду, для которой не требуется никакого приготовленія, и если не будутъ прилагать никакой заботы къ тому, чтобы по возможности лучше и достойнѣе совершать дѣло благовѣстія Христова?

Указываютъ проповѣдникамъ на примѣръ апостоловъ, и рекомендуютъ ихъ примѣромъ руководиться въ исполненіи учительскаго долга. Да, мы должны подражать вѣрѣ апостоловъ, и ихъ усердію и ревности въ ученіи благовѣстія Христова, исполняя которое они готовы были жертвовать своею жизнью. Но, съ другой стороны, не слишкомъ ли дерзновенно нашими проповѣдникамъ ставить себя наравнѣ съ апостолами? Апостолы имѣли особые благодатныя дарованія, сообщенныя имъ Духомъ Святымъ, по обѣтованію ихъ Учи-

теля, пославшаго ихъ на проповѣдь: при этихъ дарованіяхъ, они, безъ пособія естественныхъ средствъ, могли съ успѣхомъ нести всюду слово благовѣстія. А мы имѣемъ ли эти апостольскія дарованія? Не имѣя же ихъ, можемъ ли мы пренебрегать доступными намъ средствами къ болѣе успѣшному выполненію своего долга? Можемъ ли освобождать себя отъ труда, такъ необходимаго къ правильной постановкѣ высокаго дѣла, намъ порученнаго? — Апостолы, дажѣ, хотя получили особыя силы для совершенія своего служенія, не сразу выступили на него, а напередъ приготовляемы были къ нему своимъ Учителемъ и Господомъ, и не даромъ они назывались учениками единого истиннаго Учителя, Господа Иисуса Христа.

Святому Григорію Богослову указывали нѣкогда, за чѣмъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ прибѣгаетъ къ пособию искусства ораторскаго, и тщательно обрабатываетъ ихъ Рыбари-де (апостолы) такими средствами не пользовались при своей апостольской проповѣди. На этотъ упрекъ святой отецъ отвѣчалъ: „Я охотно, подобно рыбалямъ, пренебрегалъ бы средствами искусства, если бы я, какъ тѣ рыбаки, имѣлъ даръ творить чудеса“.

Указываютъ иные на святыхъ отцовъ, оставившихъ славное имя въ исторіи проповѣдничества, которые-де говорили проповѣди, нѣрѣдко изо-дня въ день, не трудясь надъ составленіемъ ихъ, подобно многимъ нынѣшнимъ проповѣдникамъ. Но если мы обратимся къ славнѣйшимъ изъ нихъ, обладавшимъ богатыми талантами, то услышимъ отъ нихъ, что для достойнаго исполненія проповѣдническаго долга необходимъ трудъ, и трудъ большой. Святой Григорій Богословъ, сужденіе котораго мы только что привели по вопросу о томъ, почему онъ, въ своей проповѣднической практикѣ, не можетъ подражать примѣру рыбаковъ—апостоловъ, въ своемъ извѣстномъ словѣ „о бѣгствѣ“ въ очень сильныхъ выраженіяхъ говорятъ противъ тѣхъ, которые смотрятъ на

Какъ мало согласуются съ этимъ вѣскимъ мнѣніемъ вселенскаго учителя и славнаго проповѣдника приведенныя нами выше сужденія русскихъ авторовъ, присвояющихъ себѣ претензію быть выразителями современнаго истиннаго взгляда на дѣло проповѣди. И на чью сторону вы склоняетесь, — читатели, — на сторону ли святаго вселенскаго учителя, или нашихъ новыхъ глашатаевъ? Не правда ли, что болѣе основательности сужденія у св. Григорія Богослова,

Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарією,
<http://kdais.kiev.ua>

чѣмъ у нихъ, желающихъ освободить пастыря церкви отъ излишней заботы о лучшемъ составленіи проповѣдей, что кажется имъ старымъ предразсудкомъ?

Обратимся къ другому, первенствующему представителю христіанскаго проповѣдничества, обладавшему необыкновеннымъ даромъ слова, почтенному отъ церкви именемъ Златоуста. Можетъ быть, онъ, при своемъ дарѣ слова, не считалъ необходимымъ особеннаго труда для достойнаго вложенія дѣла проповѣдническаго,—по крайней мѣрѣ для людей съ талантомъ и практикою усовершенствовавшихъ этотъ талантъ! Нѣтъ, совершенно напротивъ. У него мы читаемъ обращенный къ проповѣдникамъ призывъ къ усиленному труду для удовлетворенія тѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются проповѣднику, и отъ этого труда, по его совѣту, не могутъ освободить себя и люди, достигшіе высокой степени совершенства въ проповѣдническомъ словѣ. Напротивъ имъ-то и нужно трудиться не менѣе, и даже болѣе, чѣмъ людямъ малоопытнымъ и не имѣющимъ богатаго дара слова. Вотъ какъ говорить объ этомъ предметѣ великій Златоустъ, котораго слушать и которому подражать приглашаютъ проповѣдниковъ всѣ лучшіе гомилеты. „Кто владѣетъ великою силою слова (а ее у немногихъ можно найти), даже и тотъ не бываетъ свободенъ отъ непрестанныхъ трудовъ. Такъ какъ сила слова не дается природою, но пріобрѣтается образованіемъ, то хотя кто довелъ ее до высшаго совершенства, и тогда онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ усердіемъ и упражненіемъ не будетъ развивать этой силы. Такииъ образомъ образованнѣйшіе должны болѣе трудиться, нежели менѣе образованные; ибо нерадѣніе тѣхъ и другихъ сопровождается не одинаковымъ ущербомъ; но у первыхъ оно столько важнѣе, сколько различія между тѣми, чѣмъ владѣютъ тѣ и другіе. Послѣднихъ никто не будетъ укорять, если они не признаютъ ничего отличнаго; а первые, если не

иногда будутъ предлагать бесѣды, превышающія то мнѣніе которое всѣ имѣютъ о нихъ, то подвергаются отъ всѣхъ великимъ укоризнамъ. Притомъ послѣдніе и за малое могутъ получить великія похвалы; а первые, если слова ихъ не будутъ сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвалъ, но и находятъ многихъ порицателей. Слушатели судятъ о проповѣди не по ея содержанію, а по мнѣнію о проповѣдникахъ. Потому, кто превосходитъ всѣхъ краснорѣчіемъ, тому болѣе всѣхъ нужно усердно трудиться ему нельзя извиняться тѣмъ общимъ недостаткомъ природы человѣческой, что невозможно успѣвать во всемъ; но если его бесѣды не исполнѣ будутъ соотвѣтствовать высокому мнѣнію о немъ, то онѣ сопровождаются множествомъ насмѣшекъ и порицаній отъ народа. Никто самъ въ себѣ не разсуждаетъ о томъ, что приключившееся уныніе, безпокойство, забота, а часто и гнѣвъ, помрачаютъ чистоту ума и не позволяютъ произведеніямъ его являться свѣтлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковымъ и во всемъ успѣвать, но естественно иногда погрѣшать и оказаться слабѣе собственной силы. Ни о чемъ этомъ не хотятъ подумать, но винятъ проповѣдника, судя о немъ, какъ обличитель“.

„Если и способные говорить съ великою властію имѣють нужду въ постоянномъ упражненіи для сохраненія этой способности, то нѣсколько не приготовившійся ранѣе и принужденный думать объ этомъ во время самыхъ подвиговъ. киѣи встрѣтить трудности, какое безпокойство, какое смущеніе, чтобы съ великимъ трудомъ приобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ!“

Припавшій на себя долгъ учительства не только долженъ трудиться для усовершенствованія себя вообще, но, въ частности, тщательно долженъ заботиться о составленіи своихъ поученій. Трудясь надъ составленіемъ своихъ поученій, онъ

долженъ не внимать похваламъ постороннихъ людей, и не ослабѣвать своею душею безъ нихъ, но составлять свои поученія такъ, чтобы угодить Богу; ибо это у него должно быть правиломъ и единственною цѣлію тщательнѣйшаго составленія поученій“¹⁾).

Между отцами-проповѣдниками западной латинской церкви наибольшимъ авторитетомъ пользовался св. Григорій Двоесловъ. И у него мы встрѣчаемъ насгоятельное увѣщаніе, обращенное къ избирающимъ для себя проповѣдническое служеніе, усердно трудиться для приготовленія себя къ тому служенію, и не предоставлять случайному вдохновенію каждую частію проповѣдь. „П въ свѣтъ (говорить онъ) не берутся учить какому-либо искусству, не изучивъ его предварителью, посредствомъ внимательнаго размышленія“²⁾; тѣмъ болѣе это необходимо въ такомъ дѣлѣ, какое возлагается на слушателя церковнаго, долженствующаго управлять волею людей. Ибо управленіе душами человѣческими (повторяетъ онъ мысль св. Григорія Богослова³⁾), есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ“. Но и изучившему это трудное искусство, болѣе или менѣе приготовившемуся къ служенію церковнаго слова, каждый разъ, когда онъ собирается предложить народу слово назиданія, по указанію св. Григорія Двоеслова, необходима особая забота, не малый трудъ. Проповѣдникъ съ возможною тщательностію долженъ обдумывать то, что онъ хочетъ предложить народу въ назиданіе, при этомъ обдумываніи заботясь болѣе всего о томъ, чтобы не сказать чего-либо, уклоняющагося отъ евангельской истины, и тѣмъ не смутить совѣсти слушателей. Но этого мало. Не на одно со-

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста слово о священствѣ пятое, Твореній св. Іоанна Златоуста. Т. 1, кн. 2, стр. 455—458.

²⁾ *Regulae pastorals. Lib. 1, c. 1. Patrologiae latinae, t. LXXVII, col 14*

³⁾ Св. Григорія Богослова слово 3 е. Творенія св. Григорія Богослова Т. 1, стр. 26.

держаніе, но и на внѣшнее содержаніе нужно обращать вниманіе, при изготовленіи проповѣди. „Нужно проповѣдникъ (говорить святой отецъ) старательно заботиться и о томъ, чтобы не только не говорить ничего дурного, но и о хорошемъ говорить не безъ мѣры и не безъ порядка; потому что проповѣдь часто теряетъ свою силу отъ того, что слушатели замѣчаютъ безпорядочную болтливость въ проповѣдникѣ“¹⁾.

Сужденіе святыхъ отцовъ о необходимости труда, труда неослабнаго для достойнаго веденія дѣла проповѣдника мы можемъ подкрѣпить наставленіемъ Апостолъ. На апостоловъ часто ссылаются, какъ на внушительный примѣръ, показывающій, что благовѣстіе Христово можно нести, не прилагая къ тому нарочитаго труда. Между тѣмъ апостолъ Павелъ даетъ увѣщаніе Тимоѣево: *nomincis seipsum искусно поставить предъ Богомъ, дѣлателя нестыдныя право правяща слово истины* (2 Тим. 11, 15). Это увѣщаніе Апостола, обращенное къ Тимоѣею, поставленному и въ правителя и учителя церковнаго, потщиться или приложить особенное стараніе о томъ, чтобы поставить себя искуснымъ предъ Богомъ, дѣлателемъ нестыднымъ—право, т. е. вѣрно и хорошо преподающимъ слово истины, не есть ли призывъ къ усердному труду для угоднаго Богу и непорочнаго выполненія служенія благовѣстника Христова? въ лицѣ Тимоѣея не предписывается ли Апостоломъ и всѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, избравшимъ служеніе, какое в свое время несъ Тимоѣей, такой же трудъ въ ихъ дѣлѣ Божіи тианія, безъ труда нельзя поставить себя, при исполненіи служенія церковнаго слова, искуснымъ дѣлателемъ предъ Богомъ, и нестыднымъ предъ людьми и предъ собою conscientiâ.

¹⁾ Regulae pastoralis Liber, p 11, c IV. C. compl patrologiae latini t. LXXVII, col 31—32.

Къ этимъ указаніямъ считаемъ не лишнимъ присоеди-
нить сужденія свѣтскихъ авторитетовъ. Церковная проповѣдь
хотя составляетъ особый родъ словесныхъ произведеній, но
какъ рѣчь, говоримая въ собраніи предъ народомъ, она под-
падаетъ, какъ видъ, подъ родовое понятіе ораторскихъ
произведеній, и законы ораторства имѣютъ для нея болѣе
или менѣе обязательную силу, и сужденія, высказанныя объ
ораторствѣ вообще, касаются и практика проповѣднической.
А сужденія авторитетныхъ мужей всѣ говорятъ о необходи-
мости труда для оратора. „Краснорѣчіе, т. е., умѣнь хо-
рошо говорить предъ народами (читаемъ мы у Платона
никто не приобретаетъ безъ долгаго изученія и большаго
труда; и мудрый мужъ употребляетъ этотъ трудъ не для
того, чтобы быть въ состояніи заслужить одобреніе слуша-
телей, но для того, чтобы нравиться богамъ и умѣть гово-
рить такъ, какъ имъ угодно“¹⁾. Или вотъ сужденіе глав-
нѣйшаго ораторовъ Квинтиліана. Онъ требуетъ отъ оратора, чтобы
онъ для своей рѣчи прилагалъ столько заботливости, сколько
возможно. „Ибо говорить хуже, чѣмъ ты можешь,—это не
только небрежность, но и преступленіе; это вѣроломство
измѣна тому дѣлу, которое принимаешь на себя... Являясь
предъ многочисленнымъ собраніемъ, не обдумавши основа-
тельно и не приготовивши со всѣмъ стараніемъ того, что
хочешь говорить,—это неуваженіе и невниманіе къ дру-
гимъ. Публично обсуждать дѣла высочайшей важности, не
употребивши для этого полной заботливости и старанія, ка-
кого они требуютъ,—это легкомысліе, недостойное мужа, и
дерзость, подлежащая наказанію“²⁾.

¹⁾ Федръ, 273. Сочиненія Платона, въ переводѣ Карпова, изд. 2-е
т. IV, стр. 165.

²⁾ Quintiliani Institutiones oratorie, XII, с. 9, и. 3 Т. II, р. 419.

Представляющіе првповѣдничество дѣломъ легкимъ, не требующимъ особеннаго труда отъ избравшаго это служеніе основываютъ свое сужденіе на томъ положеніи, что проповѣдь есть простое, безыскусственное христіанское поученіе а не искусство. У Тарѣева есть длинный трактатъ, обсуждающій вопросъ: есть ли проповѣдь искусство ¹⁾? Въ этомъ трактатѣ онъ усиливается доказать, что проповѣдь отнюдь не искусство, а простое дидактическое изложеніе или передача христіанской истины. Но намъ кажутся совершенно напрасными усилія автора развивать и доказывать то положеніе что проповѣдь не искусство. Серьезная теорія не считала и не считаетъ проповѣди искусствомъ. Она подпадаетъ подъ понятіе ораторства, обнимающаго собою всѣ виды публичныхъ рѣчей къ народу. Ораторство же—родъ дѣятельности совершенно независимый отъ искусства и параллельный ему Церковная проповѣдь, какъ видъ ораторства,—практическая дѣятельность, а не искусство. Отличается она отъ искусства существенно тѣмъ, что искусство выражаетъ идею въ соответственной художественной формѣ, на преслѣдуя никакой внѣшней цѣли, и что подчиненіе художественнаго произведенія какой-либо цѣли вредитъ искусству, а проповѣдь, какъ и ораторство вообще, непременно преслѣдуетъ внѣшнюю цѣль. Ораторъ непременно имѣетъ въ виду слушателей и хочетъ подѣйствовать на нихъ, давая имъ то или другое направленіе. Если онъ излагаетъ ученіе и раскрываетъ какую-либо истину, онъ хочетъ убѣдить въ этой истинѣ другихъ, и хотеть эту истину сдѣлать ихъ достояніемъ. Если онъ въ своемъ словѣ касается практической жизнедѣятельности и выставляетъ какое-либо нравственное правило, отъ котораго видитъ отступленіе въ окружающей средѣ, онъ

¹⁾ Тарѣевъ. По вопросамъ гомилетики Критическіе очерки. Гл. IV стр. 127—161.

убѣждаетъ ее жить и поступать такъ, какъ ему кажется полезнымъ и необходимымъ для нея. Нѣтъ прямой цѣли у оратора и проповѣдника, нѣтъ стремленія направить слушателей на добрый путь, имъ открываемый,—нѣтъ ораторства и не получится и проповѣди. Художникъ исполняетъ свою работу, хотя никого нѣтъ у него предъ глазами, а проповѣдникъ, какъ и ораторъ вообще, говоритъ только для народа, имѣя предъ собою слушателей, говорить съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе подѣйствовать на нихъ. Возникаетъ ораторство на почвѣ простой передачи своихъ мыслей и знаній, своихъ чувствъ и желаній. Но эта простая передача нашихъ мыслей и желаній еще не составляетъ ораторства. Она дѣлается ораторствомъ, когда мы усиливаемъ энергію своей души при этой передачѣ, съ цѣлію сильнѣе подѣйствовать на другихъ и склонить и направить ихъ туда, куда намъ это кажется нужнымъ и полезнымъ для нихъ. При этомъ могутъ быть привлекаемы къ этой дѣятельности художественные элементы, которые отнюдь не составляютъ существенной принадлежности ораторскаго слова. Слово проповѣдника, какъ и оратора вообще, можетъ быть сильнымъ и дѣйствительнымъ и безъ нихъ, какъ и прѣ нихъ. Сила души, большая или меньшая степень одушевленія, проявляющаяся въ дѣятельности оратора,—вотъ главное условіе дѣйственности его слова. Хотѣть и требовать, чтобы слово проповѣдника было не чѣмъ инымъ, какъ только простою, безыскусственною передачею христіанскаго ученія,—это значить хотѣть, чтобы проповѣдь никогда не сходила съ низшей ступени своего проявленія, и совершалась самымъ примитивнымъ образомъ, безъ всякаго напряженія со стороны проповѣдника. Нѣтъ, такая проповѣдь всегда будетъ слабою,—думаемъ, мало дѣйственную проповѣдью. Приложите къ ней трудъ, вложите въ нее душу, сообщите ей энергію, какою полна душа ваша въ минуты одушевленія, что невозможно безъ нѣкотораго напряженія съ

вашей стороны, — и тогда ваша проповѣдь будетъ словомъ, сильнымъ и дѣйственнымъ. Достоинство священной кафедры, священная важность той истины, разъясненіе которой на ней предлагается, и высота цѣли, ей указанной, требуютъ, чтобы проповѣдь возвышалась надъ будничнымъ, непосредственнымъ выраженіемъ нашихъ мыслей, и отмѣчена была печатью большей силы въ сравненіи съ обыденною рѣчью, являющеюся часто въ небрежномъ видѣ. А само собою разумѣется, что для придачіи нашему слову большей силы и чистоты нуженъ трудъ, нужно большее или меньшее напряженіе нашей душевной дѣятельности.

На что же долженъ быть обращенъ трудъ проповѣдника, при изготовленіи своей проповѣди?

Первая забота проповѣдника должна быть о томъ, о чемъ говорить народу въ проповѣди, и нельзя сказать, чтобы при выборѣ предмета не было для него затрудненій. Правда, люди, легко смотрящіе на дѣло проповѣди, и проповѣдующіе новыя теоріи, освобождающіе пастыря отъ излишняго, по ихъ мнѣнію, труда надъ составленіемъ и изготовленіемъ проповѣдей, говорятъ, что напрасно пастыри затрудняются въ выборѣ предмета для своихъ церковныхъ бесѣдъ. Это-де результатъ своеобразнаго взгляда на проповѣдь. Пусть пастырь русскимъ толковымъ языкомъ сдѣлаетъ перифразъ прочитаннаго евангелія или апостола, вставятъ отъ себя нѣсколько подходящихъ религіозно-нравственныхъ наставленій, — и достаточно¹⁾. Пожалуй, достаточно для того, чтобы выполнить форму, и чтобы что-нибудь сказать. Но проповѣдь говорится не для того только, чтобы что-нибудь сказать и кое-какъ выполнить внѣшній долгъ. Когда проповѣдникъ является на кафедру, предъ нимъ стоятъ и

¹⁾ Церковный Вѣстникъ. 1905 г. № 30. „О проповѣдничествѣ“.

его слова ждутъ слушатели съ разнообразными нуждами, и онъ каждый разъ долженъ предлагать имъ назиданіе, строго соображенное съ ихъ нравственнымъ состояніемъ, и слово его должно давать имъ духовную пищу, наиболѣе для нихъ пригодную. Предъ его мысленнымъ взоромъ чрезвычайное множество матерій, полнога, можно сказать, неисчерпаемая божественной истины, откровенной свыше и хранимой въ церкви. Что же брать изъ этой полноты божественной истины? Хорошо ли будетъ, если проповѣдникъ схватить и будетъ раскрывать первую, случайно попавшуюся ему, мысль, и не думая, будетъ предлагать народу, ждущему отъ него доброй духовной, потребной ему пищи, схваченную имъ налету частицу истины? Не будетъ ли это напоминать сухой черствый кусокъ, небрежно брошенный голодающимъ? Нѣтъ, нужно не мало подумать и потрудиться, чтобы предложить народу въ проповѣди не кое-что случайное, а наиболѣе для него полезное и необходимое, по соображенію обстоятельствъ мѣста и времени. Тотъ не выполнитъ своего долга и не принесетъ ожидаемой отъ него пользы народу, кто, не стѣсняясь, свободно будетъ говорить, о чемъ ни попало лишь бы говорить. Можетъ рѣчь его литься, какъ быстрый потокъ, и пусть въ ней не будетъ замѣтно никакого записыванія. Но будетъ ли она отвѣчать тѣмъ запросамъ, съ какими стоятъ у кафедры слушатели. Хорошо, если систематически ведется дѣло учения, и если для системы избранъ удачный кругъ предметовъ. Легко въ такомъ случаѣ идти по напередъ избранной дорогѣ. Но наши проповѣди болѣею частью проповѣди отрывочныя. Церковно-богослужебный уставъ чтенія, приуроченныя къ тому или другому дню церковнаго года, священные событія, воспоминаемыя церковію въ извѣстные праздники, помогаютъ проповѣднику избрать приличную дню тему проповѣди, но они не указываютъ прямо предмета, на которомъ лучше всего сосредоточить вниманіе

слушателей, и сосредоточиться самому проповѣднику. Въ библейскихъ чтеніяхъ, предлагаемыхъ въ церкви въ извѣстные дни, въ священныхъ праздничныхъ воспоминаніяхъ представляются предметы сложнаго состава; ихъ обыкновенно не обнимаютъ во всей цѣлости, а берутъ или извлекаютъ изъ нихъ одну какую-либо часть. Кромѣ этихъ прямыхъ указаний богослужебной практики для проповѣдника непремѣннымъ заднимъ основаніемъ при выборѣ темы должно быть вниманіе къ потребностямъ и запросамъ слушателей; нужно выбирать не только то, что предлагается содержаніемъ того или другого церковнаго дня, но и то, что при данныхъ обстоятельствахъ наиболее потребно и полезно для народа. Умѣть выбрать наиболее подходящую для извѣстнаго дня и мѣста тему—большое достоинство проповѣдника, и мы полагаемъ, что для этого требуется не мало размышленія. Иначе проповѣдникъ можетъ оказаться человѣкомъ, говорящимъ безъ разсчета, и слово его будетъ раздаваться, какъ кимвалъ звенящій, потрясающій слухъ, но ничего не оставляющій въ душѣ. Итакъ, изучайте народъ, старайтесь войти въ ближайшее знакомство или единеніе съ нимъ, и это единеніе укажетъ вамъ наиболее подходящія темы для уроковъ назиданія, какими вы хотите направить его на путь спасенія и вести по нему, въ виду улучшенія и возвышенія его нравственнаго состоянія.

Есть одно важное условіе, могущее облегчать проповѣднику трудъ его, о которомъ постоянно и съ настойчивостію нужно напоминать всѣмъ, желающимъ преуспѣвать въ дѣлѣ благовѣстія Христова,—это глубокое благочестивое настроеніе проповѣдника или полнота религіозной жизни его. Безъ особенныхъ затрудненій найдетъ достойную матерію для поученія, съ теплотою и гнѣчагательностію выразитъ и разъяснитъ ее тотъ, у кого мысль о Богѣ и божественныхъ предметахъ глубоко залегаетъ въ душѣ и постоянно проявляется въ его сознательной жизнедѣятельности, кто живо

представляетъ себѣ глубину нашего паденія и немощи чело-
вѣческой души, предоставленной самой себѣ, изнемогающей
въ борьбѣ съ соблазнами и искушениями, и поситъ въ сердцѣ
своемъ представленіе о милосердіи и любви Божіей, ищущей
нашего спасенія, и дарующей намъ благодатныя средства
къ стоянію и утвержденію въ добрѣ. Если же ваша рели-
гіозная жизнь бѣдна, если святые помышленія о Богѣ и Его
милосердіи къ намъ и о домостроительствѣ нашего спасенія
только нрѣдка навѣщаютъ душу вашу, и вы постоянно за-
няты предметами, не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу
вѣры и спасенія, и живете вы въ мірѣ по мірскому, а не по
Божьему указанію, тогда, конечно, не можетъ легко даться
вамъ удачный выборъ предмета для проповѣди, и если остано-
вится на чемъ ваша мысль, ваша рѣчь не польется живымъ
потокомъ, и отъ нея будетъ вѣять холодомъ, такъ какъ пред-
метъ ея не выношенъ былъ вами и не согрѣтъ теплотою души
вашей. Итакъ, возгрѣвайте въ себѣ духъ вѣры и благочестія,
наполняйте и обогащайте свою душу святыми помышленіями,
не выпускайте изъ рукъ книги Откровенія, раскрывающей
предъ нами исторію домостроительства нашего спасенія, и
пусть мысль о Богѣ и нашемъ спасеніи будетъ первою и
последнею мыслию вашего сознанія, главнымъ средоточнымъ
пунктомъ, „къ которому обращена душа ваша,—тогда бу-
дете владѣть великою силою при исполненіи служенія цер-
ковнаго слова“ и вамъ легко будетъ износить изъ сокровищ-
ницы своего сердца то, что хранится въ ней, и чѣмъ доро-
жите вы, какъ святынею, и предлагать то для назиданія на-
роду, жаждущему отъ васъ душеспасительныхъ руководствен-
ныхъ указаній.

Послѣ заботы объ избраніи темы, другой вопросъ, ка-
сающійся изготовленія проповѣди,—вопросъ о томъ, какъ
раскрывать избранную тему. Слѣдовать ли извѣстной tradi-
ціи и развивать тему, соображаясь съ логическими и гоми-
летическими правилами? Или предоставить дѣло личному

вдохновенію и не принуждать себя стѣсниться правилами школы? Защитники живого слова требуютъ свободнаго теченія словъ, не стѣсняющагося никакими правилами. Говорите такъ, какъ вы говорите въ домашней бесѣдѣ (часто слышится нынѣ, когда разсуждаютъ о томъ, какъ нужно проповѣдывать. „Долой формализмъ, долой рутинна“) ¹⁾ Долой всѣ путы, долой весь этотъ механическій и логическій аппаратъ, подъ который прежде укладывалась мысль проповѣдники! Не нужно, чтобы проповѣдь сочинялась, какъ словесное произведеніе, по законамъ логики и риторики ²⁾. Всѣ эти логическія рамки, которыя изъ риторики переносились въ гомилистику, и съ которыми заставляли сообразоваться проповѣдниковъ,—старый предразсудокъ схоластики, одно лишнее и напрасное стѣсненіе для проповѣдника. Пусть такъ. Но не будетъ ли безпорядка въ рѣчи, если проповѣдникъ не будетъ связывать себя логическими узами? Рѣчь сравниваютъ съ потокомъ, который свободно несетъ свои воды. Но вѣдь потокъ долженъ имѣть свое русло: если онъ не найдетъ этого русла, несомыя имъ воды разсѣются по безбрежной равнинѣ, или онъ изсякнетъ въ пескахъ, встрѣтившихся на пути его. И проповѣдь, текущая, какъ не сдержанный, не имѣющій русла потокъ, можетъ не оставить никакого впечатлѣнія въ тѣхъ, къ кому направляется. Нѣтъ! По нашему мнѣнію, нельзя пренебрежительно относиться къ логическимъ требованіямъ. Логическіе законы построенія и развитія мысли — не путы, не стѣсненіе для проповѣдника, а направляющая, руководительная сила, помогающая ему. Порядокъ всегда и всюду великое достоинство, и нарушеніе стройнаго порядка не можетъ проходить безнаказанно. При обдумываніи проповѣди далеко не лишнее дѣло составлять твердое и ясное расположеніе слова, и уяснить себѣ планъ, какому вы бу-

¹⁾ Изъ послѣднихъ бумагъ прот. Гр. Дзялчико.

²⁾ Церковный Вѣстникъ, 1995 г № 30 О проповѣдничествѣ.

дете слѣдовать въ развитіи своей темы. Логическія формы, въ какія будетъ укладываться ваша мысль, будутъ для васъ такимъ же сдерживающимъ и урегулирующимъ началомъ, какъ жимъ служить русло для потока. И чѣмъ больше обозначите вы для себя рамки вашей работы, тѣмъ легче пойдетъ ваша проповѣдь, и вы сами лучше будете владѣть своею мыслию и управлять частными представленіями, служащими къ развитію вашей темы. И слушатели съ удовольствіемъ будутъ воспринимать ясную и раздѣльную рѣчь вашу, и скорѣе и лучше усвоятъ то, что вы хотите внушить имъ, когда вы рельефно обозначите главные пункты своей проповѣди.

Положимъ, въ проповѣди желательна свобода изложенія; въ проповѣди неумѣстна такая строгая методика и такое сухое изложеніе, какъ въ учебникѣ. Здѣсь могутъ производиться невыгодное впечатлѣніе эти, употребляемые въ школьныхъ сочиненіяхъ, во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ. Пусть льется живая рѣчь, не скованная сухими рубриками. Но избѣгая сухихъ дѣленій, не нарушайте логическаго порядка въ устроеніи своей проповѣди. Не годится здѣсь сухой скелетъ, облачайте его плотію, и тогда ваше слово будетъ живымъ организмомъ, а не распывшащеюся болтовнею. Нужно приучаться къ порядку, къ повиновенію (говорить Винет)¹⁾, чтобы потомъ пользоваться свободою. Хорошихъ мыслей много, и онѣ рождаются у многихъ, но, не связанные въ одно цѣлое организующею мыслию, онѣ могутъ безслѣдно пропадать. Нужно организовать ихъ, представить въ связномъ цѣломъ. Тогда, при приведеніи ихъ въ порядокъ, устранится неопредѣленность и спутанность впечатлѣнія отъ проповѣди. А нѣтъ строгаго порядка въ рѣчи, говоримой человекомъ, при молчаніи слушателей,—слушатели теряютъ нить мыслей, и не знаютъ, куда хочетъ вести ихъ пропо-

¹⁾ Homiletique ou Theorie de la predication par A. Vinet. Importance de la disposition. Парижъ въ новое время. В. 11-е изданіе, стр. 530

иждивикъ. Рѣчь, лишенная порядка (говорить Квинтиліанъ) ¹⁾, точно вода, которая шумно бурлитъ, клокочетъ, не протекая, и не имѣетъ никакой твердости. Подобно человѣку, заблудившемуся ночью въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, она повторяетъ много вещей, много другихъ опускаетъ, и не намѣтивъ ни исходной точки, ни цѣли, она повинуется не намѣренію, но случаю“.

Можно ли пастырю пользоваться чужими проповѣдями, и вмѣсто своего слова предлагать слушателямъ слово какого-либо извѣстнаго проповѣдника, въ цѣломъ видѣ, или въ передѣлкѣ и сокращеніи?

На этотъ вопросъ нельзя дать прямого отрицательнаго отвѣта. Нынѣ существуетъ такъ много изданій сборниковъ проповѣдей, что въ нихъ можно найти пособіе для разъясненія какого угодно религіознаго вопроса. Иными редакціями духовныхъ журналовъ предпринимаются нарочитыя изданія проповѣдей для практическаго пользованія пастырями церкви, и печатаемая въ нихъ проповѣди издаются въ такомъ порядкѣ, что подписывающіеся на нихъ пастыри-проповѣдники получаютъ для себя готовые поученія на ближайшіе дни и мѣсяцы церковнаго года. Чужими проповѣдями, какъ пособіемъ, могутъ пользоваться пастыри, затрудняющіеся составленіемъ собственныхъ проповѣдей, или за множествомъ занятій не имѣющіе времени для изготовленія своихъ поученій, а между тѣмъ чувствующіе за собою долгъ учительства. Это не можетъ быть возбранено изъ, и отцы или церковные писатели дозволяютъ такую практику учительскую. „Есть люди (говоритъ блаженный Августинъ), которые могутъ хорошо провозносить проповѣди, но не могутъ выдумывать того, что произнести,—не могутъ сами писать проповѣдей. Въ такомъ случаѣ нѣтъ грѣха и безчестія заимство-

¹⁾ Quintilian Institutiones oratoriae. lib. VIII.

вать у другихъ мудро и краснорѣчиво написанныя поученія, выучивать ихъ на память и предлагать народу. Проповѣдники, сказывающіе чужія поученія, отнюдь не должны приходить въ смущеніе отъ гласа пророка Іереміи, чрезъ коюго Богъ обличаетъ тѣхъ, *иже крадутъ слова Его отъ искреннаго своего* (Іер XXIII, 30). Ибо крадетъ тотъ, кто покидаетъ чужое, а слово Божіе не есть чужое для тѣхъ, кои повинуются Богу... Если добрые христіанскіе наставники соображаютъ свои сочиненія добрымъ же проповѣдникамъ, то здѣсь оба, — и сочинители и сказыватели, — проповѣдуютъ свое, а не чужое, поелику у обоихъ у нихъ и Богъ свой, коему принадлежитъ то, что они проповѣдуютъ, и сочиненія чужія дѣлаются своими для тѣхъ, коя, не могши сочинить своихъ, живутъ чуждо по чужимъ сочиненіямъ" ¹⁾. Въ церковной практикѣ мы видимъ пользованіе чужими проповѣдями, въ особенности тѣми, которыя отмѣчены были печатью особеннаго достоинства. Геннадій масилінскій, говоря о св Кириллѣ александрійскомъ, замѣчаетъ, что онъ сочинилъ много бесѣдъ, которыя греческимъ епископамъ рекомендуются для церковнаго употребленія, то есть, для произнесенія ихъ предъ народомъ ²⁾. Другое свидѣтельство о пользованіи на кафедрѣ чужими проповѣдями мы встрѣчаемъ въ книгѣ гомилета XIII вѣка, генерала доминиканскаго ордена Гумберта романскаго. „Иные проповѣдники (говоритъ онъ) хотя не имѣютъ достаточной способности составлять отъ своего ума хорошія рѣчи, однако считаютъ неприличнымъ пользоваться тѣми, что сказано было другими, но хотятъ говорить только то, что сами выдумаютъ. Такіе подобны тѣмъ, которые не хотятъ подавать хлѣба, кромѣ испеченнаго ими самими. Я слышалъ, что папа Иннокентій, при которомъ былъ соборъ магеранскій, мужъ великой учености,

¹⁾ Блаж Августина Христіанская наука, кн IV, гл. 62, стр. 350—3.

²⁾ De scriptoribus ecclesiasticis, с 57.

разъ проповѣдуя въ большой правдникъ, имѣлъ подлѣ себя челоѣка, который держалъ бесѣду св. Григорія на этотъ правдникъ, и слово въ слово передавалъ народнымъ языкомъ, то, что тамъ написано было по-латыни, спрашивая о томъ, что слѣдуетъ, отъ державшаго книгу, когда память измѣняла ему. Послѣ проповѣди спрашивали его, почему онъ такъ сдѣлалъ, когда самъ можетъ сказать многое другое,—онъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ этимъ укоръ тѣмъ, которые гнушаются произносить сказанное другимъ.¹⁾

Но представляя невозбраннымъ пользованіе чужими проповѣдями, при сообщеніи добраго ученія народу, мы не видимъ въ томъ надлежащаго выполненія проповѣдническаго долга. Настоящая проповѣдь должна быть выраженіемъ личнаго чувства и убѣжденія; въ ней хотѣли бы мы видѣть живое слово, исходящее изъ сердца проповѣдника, проникнутое и согрѣтое дыханіемъ души говорящаго. А таковою не будетъ проповѣдь, если будетъ повторять чужія слова: это будетъ слово мертвой книги, а не прочувствованное слово живого челоѣка. Разныя проповѣдническіе листки, предлагающіе въ изобиліи готовыя проповѣди для пастырей—подспоріе и пособіе, собственно говоря, для лѣности или для слабости челоѣческой, то есть, для тѣхъ, которые, какъ говоритъ блаженный Августинъ, не могутъ сами составлять проповѣди, или не хотятъ трудиться надъ этимъ дѣломъ, пожалуй, еще для тѣхъ, которые, за множествомъ занятій, не имѣютъ времени приготовить поученіе для того или другого дня, а между тѣмъ не желаютъ оставить свою паству безъ приличнаго наизиданія. Эти листки напоминаютъ намъ среднеѣковыя пособія для проповѣдниковъ, являвшіяся иногда подъ вычурными заглавіями, въ родѣ „Parati sermones“ или „Dormi secure“

¹⁾ De eruditione concionatorum Gualerti de Romanis Maxima bibliotheca vaticana patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum, 1677 т. Сл. Средне-вѣковыя сочиненія, изд. В. Швабскаго, стр. 11.

vel Dormi sine cura“ (Спи спокойно: проповѣдь твоя готова). Подобные сборники, содержавшіе проповѣди на воскресные и праздничные дни церковнаго года, въ средніе вѣка. пользовались большою популярностію и издавались много разъ ad usum praedicantium. Но позднѣйшая исторія указала, что подобные сборники имѣли неблагопріятное вліяніе на проповѣдниковъ, освобождая ихъ отъ самостоятельной работы. Пользуясь ими, проповѣдники часто предлагали слово, которое мало приноровлено было къ потребностямъ слушателей и ихъ умственному и нравственному состоянію. Надъ средне-вѣковою схоластическою проповѣдію произнесено исторіею осужденіе за не живое, механическое отношеніе къ задачѣ, ей предлежавшей, чему не мало способствовали тогдашніе проповѣдническіе сборники, издававшіеся въ большомъ количествѣ.

Изученіе, и изученіе внимательное образцовыхъ проповѣдниковъ нельзя не рекомендовать людямъ, призваннымъ къ служенію церковнаго слова. Изучая ихъ, мы можемъ лучше развить и усовершенствовать свой талантъ, можемъ разчистить и уравнивать путь, которымъ должны идти, исполняя свое служеніе. Но изучая образцовыхъ проповѣдниковъ, мы должны обогащать себя знаніями, изъ нихъ почерпаемыми, должны стараться усвоить духъ ихъ, перенимать отъ нихъ, по мѣрѣ возможности, внутреннюю силу, въ нихъ проявляющуюся и дѣлающую ихъ слова такъ впечатлительными, и ихъ гомилетическіе приемы. Но это отнюдь не должно простирается до рабскаго копированія буквальнаго строя ихъ произведеній. Всегда намъ нужно быть самими собою, когда мы выступаемъ на служеніе, намъ поручаемое церковію. Терять свою личность тамъ, гдѣ ожидаютъ нашего слова, значить прямо обнаруживать предъ всѣми свою слабость и несостоятельность.

Что мы говорили о пользованіи чужими проповѣдями, то же самое должны сказать о пользованіи такими пособіями

для проповѣдниковъ, каковы „Практическая гомилетика“ Толмачева, гдѣ на каждый воскресный и праздничный день церковнаго года, на основаніи установленныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній и воспоминаній знаменательныхъ событій, приуроченныхъ къ тому или другому дню, указано нѣсколько темъ проповѣдей, съ болѣе или менѣе подробнымъ ихъ разитіемъ, съ представленіемъ главныхъ мыслей, служащихъ къ ясненію поставленной темы. Можно пользоваться подобными пособиями; они могутъ облегчать трудную работу веденія проповѣдникаго дѣла. Но они не могутъ и не должны имѣть преобладающаго значенія въ проповѣднической дѣятельности. Къ нимъ можно обратиться, когда проповѣдникъ испытываетъ затрудненіе въ выполненіи своего служенія. А кто рабски или слѣпо будетъ руководствоваться чужими указаніями, тотъ не будетъ удовлетворять существенному требованію отъ проповѣди, понимаемой въ качествѣ живого слова, исходящаго отъ души проповѣдника.

Для успѣха въ дѣлѣ проповѣдничества пастырю необходимо постоянное чтеніе и изученіе сочиненій религіозно-назидательнаго содержанія для оживленія, утвержденія и расширенія своихъ познаній. При этомъ условіи онъ можетъ быть плодотворнымъ проповѣдникомъ, и проповѣди его могутъ отличаться богатствомъ мыслей. Въ этихъ видахъ Югманъ не рекомендуетъ пользоваться чужими практическими сборниками, оставленными въ пособіе проповѣдникамъ. Гораздо полезнѣе, по его словамъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться чужими трудами, самому составлять подобные сборники и постоянно исполнять ихъ. Пусть, при чтеніи полезныхъ сочиненій, онъ замечаетъ то, что покажется ему заслуживающимъ вниманія; на память въ этихъ случаяхъ не всегда можно рассчитывать. Для этого, при чтеніи книгъ, всегда нужно имѣть въ рукахъ перо или карандашъ. А для того, чтобы легче найти написанное при чтеніи, когда понадобится, нужно держаться

какого-либо порядка въ записной книгѣ, или систематическаго или алфавитнаго порядка названія предметовъ. Тогда у васъ всегда подъ руками будетъ требуемый, полезный для васъ матеріалъ ¹⁾).

Въ трактатѣ о составленіи проповѣдей главный вопросъ, служащій камнемъ преткновенія, и вызывающій споры, — вопросъ объ импровизаціи проповѣдей. Въ виду разнорѣчій, при рѣшеніи этого вопроса, мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ съ подобающимъ ему вниманіемъ, и выставить нужныя основанія для полнаго освѣщенія его.

У насъ о проповѣднической импровизаціи заговорили послѣ введенія Устава духовныхъ семинарій въ 1867 году. Тогда постановлено было въ семинаріяхъ приучать будущихъ пастырей къ живому импровизованному слову, и въ учебникѣ гомилетики, по указанію Учебнаго Комитета, явился особый отдѣлъ о проповѣднической импровизаціи ²⁾, который стоитъ здѣсь особнякомъ, не выведенный строго изъ систематическаго построения науки. Практика импровизаціи, хотя вводилась въ школу, не сопровождалась особенно видными благоприятными результатами. Школа, и при усердіи наставниковъ, мало выпускала способныхъ импровизаторовъ, и въ церквахъ почти также рѣдко слышалось импровизованное проповѣдное слово, послѣ введенія Устава 1867 года, какъ и прежде.

Большое впечатлѣніе, по занимающему насъ вопросу, произведено было книгою преосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго „*Живое слово*“ (1892 г.), въ которой импровизація въ проповѣдническомъ дѣлѣ представляна наиболѣе желательнымъ и нормальнымъ способомъ проповѣд-

¹⁾ Theorie der geistlichen Beredsamkeit von Jungmann IV Abschnitt XI Kapitel § 5, n. 325 (опытъ изъ новыхъ грѣхъ В. Пѣвницкаго стр. 476)

²⁾ Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетикѣ, Фалорова Отдѣленіе 6 е, стр. 177—192

ническаго ученія, и со времени появленія этой книги многіе стали ставить въ необходимость и въ непремѣнную обязанность пастырямъ говорить не сочиненное слово, а живое. Подъ этимъ живымъ словомъ, къ какому призывались проповѣдники, разумѣлись рѣчи совсѣмъ не писанныя, а только дома обдуманныя, или даже на мѣстѣ происшествія соображенныя, и потомъ произносимыя въ собраніяхъ въ тѣхъ выраженіяхъ, какіе сложатся у оратора въ минуту произнесенія... Рѣчь импровизатора есть рѣчь болѣе или менѣе разговорная. Проповѣдникъ пусть говоритъ такъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ ¹⁾.—Конечно, требованія предъявлять можно. Но легко ли выполнить ихъ? И всякій ли на то способенъ? И хорошо ли будетъ, достойно ли церковной кафедры, если съ нея будетъ раздаваться слово неуклюжее, нестройное, туманное? Свѣтъ пресвященный Амвросій, ратующій за живое импровизируемое слово, сознаетъ, что для хорошей импровизаціи требуются отъ проповѣдника такія способности, каковы не были въ античность, — крѣпкая, наилучшимъ образомъ развитая сила мышленія, быстрота, живость и сообразительность ума, живое воображеніе, особенный даръ слова, крѣпкія нервы, хорошее здоровье и сила голоса ²⁾.

Въ послѣдніе годы говоръ объ импровизаціи проповѣдей возбудилъ г. Таръевъ своею статьею въ Странникъ (1902, 1), подъ заглавіемъ: „Проповѣдь, какъ живое слово“ (Эта статья, вмѣстѣ съ другими статьями гомилетическаго характера г. Таръева, явилась потомъ въ отдѣльной брошюрѣ, озаглавленной: „По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1903). Г. Таръевъ идетъ далѣе пресвященнаго Амвросія, и сталъ рѣшительно на импровизацію и, считая ее единственно возможнымъ для истиннаго проповѣдника словомъ, не ставилъ ея въ зависимость

¹⁾ Живое слово, стр. 29, 32, 117, 133.

²⁾ Живое слово, стр. 161—171.

отъ особенныхъ талантовъ проповѣдника. По его мнѣнію, всякій можетъ быть импровизаторомъ. Для этого достаточно одного религіознаго воспитанія. Сознаніе пастырскаго учительскаго долга одно служить достаточною психологическою основою проповѣднической импровизаціи. Истинный проповѣдникъ можетъ говорить только живою импровизованною рѣчью. и никакихъ особенныхъ требованій отъ проповѣди, какъ живого слова, не должно быть. Неспособность къ проповѣднической импровизаціи свидѣтельствуетъ о религіозной неподготовленности пастыря къ своему дѣлу ¹⁾.

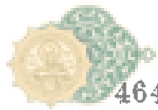
Мнѣніе г. Тарѣва вызвало сочувственные отзывы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало и возраженія. Въ томъ же Страникѣ, гдѣ Тарѣвъ горячо ратовалъ за импровизацію проповѣдей, высказаны были сужденія, не согласныя съ требованіями о. Тарѣва, въ статьяхъ священниковъ Влад Бибуры и В. Зеленева, подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу о проповѣди, какъ живомъ словѣ*“ ²⁾. Бибура указываетъ на то, что нельзя всѣхъ обязывать говорить импровизаціи, такъ какъ не всякій способенъ импровизировать. А Зелень отдаетъ рѣшительное предпочтеніе слову писанному предъ словомъ импровизованнымъ, какъ слову болѣе обдуманному и взвѣшенному. и заявляетъ, что, во избѣжаніе явнаго вреда для церкви Божіей, отнюдь не слѣдуетъ узаконять импровизацію ко всеобщему употребленію.

Что скажемъ мы, въ виду разпорѣчивыхъ сужденій по этому вопросу?

Чтобы представить не голословное рѣшеніе вопроса. трагюемаго съ разныхъ сторонъ въ нашей литературѣ и въ устныхъ бесѣдахъ, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ авторитетамъ, снискавшимъ себѣ славное имя въ исторіи краснорѣчія или публичнаго слова, предлагаемаго народу, и

¹⁾ По вопросамъ гомилетики, Тарѣва, стр. 172.

²⁾ Страницы, 1902, мартъ, стр. 474—491 Апрель, стр. 786—790.

въ исторіи науки объ ораторствѣ, и о проповѣдничествѣ, въ частности, и съ ихъ сужденіями познакомить читателей.

Видные авторы, почти всѣ безъ исключенія, не на сто ронѣ защитниковъ чистой импровизаціи. Они не одобряютъ тѣхъ, кто рѣшается говорить рѣчи народу безъ всякаго приготовленія.

Послушаемъ сначала, что говорятъ свѣтскіе классическіе ораторы и риторы. Во главѣ ораторовъ всемірно историческихъ стоитъ Демосѳенъ, высокій талантъ котораго всѣми признается несомнѣннымъ. Онъ владѣлъ словомъ свободнѣе и лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ публичныхъ ораторовъ, и говорилъ по такимъ вопросамъ, которые сильно занимали его душу, и составляли предметъ его заботъ. Ему-ли, при его высокомъ талантѣ, при опытности, нажитой имъ ораторскою практикою, и при его патріотическомъ одушевленіи, стѣснялся говорить народу рѣчи безъ особеннаго нарочитаго приготовленія? Между тѣмъ онъ всегда тщательно приготовлялъ свои рѣчи. Когда одинъ изъ его друзей съ усмѣшкою указывалъ ему на то, зачѣмъ онъ такъ трудится надъ изготавленіемъ своихъ рѣчей, онъ отвѣчалъ этому другу: „я стыдился бы явиться предъ такимъ большимъ собраніемъ безъ приготовленія, не имѣя ничего сказать ему, кромѣ того, что случайно взбредетъ мнѣ на умъ“

Послушаемъ другого славнаго оратора древности, перваго представителя римскаго краснорѣчія—Цицерона. Онъ тоже неблагопріятно смотритъ на методу, усвояемую импровизаторами. Въ книгѣ „Объ ораторѣ“ онъ влагаетъ въ уста Красса такую мысль. Упражненіе въ импровизаціи (замѣчаетъ онъ) приноситъ свою пользу. Но весьма многіе при такой импровизованной рѣчи упражняютъ только свою грудь и свой голосъ; они усовершенствовали изворотливость своего языка и счастливы тѣмъ, что могутъ разсыпаться обиліемъ словъ. Ихъ оболыщаетъ мысль, которую часто можно слы-

пять: „практикою обыкновенно люди приобретаютъ способность говорить“. Но справедливѣе нужно сказать: дурно говорить люди научаются отъ того, что имъ весьма легко даются плохія рѣчи. Посему въ самыхъ тѣхъ упражненіяхъ, хотя хорошо говорить рѣчи и въспрошитою, но гораздо лучше, употребивши время на размышленіе, говорить рѣчь, тщательно приготовленную заранее. Но главное дѣло какъ можно больше писать. Стиль (перо) самый лучший и самый превосходный производитель и учитель краснорѣчія. И это справедливо: ибо, если послѣ размышленія и обдумыванія легко удастся иной разъ импровизованная и случайная рѣчь, то послѣ усидчиваго и усерднаго записыванія она выйдетъ несравненно лучше. Тогда, при внимательномъ и усердномъ отношеніи къ дѣлу, лучше возникаютъ и развиваются мысли, служащія къ уясненію того предмета, о которомъ мы пишемъ; дажѣ подпадаютъ мало по маду подъ перо обороты и выраженія, наиболѣе подходящія къ особенной цѣли и предмету рѣчи и, наконецъ, чрезъ запись научаются искусству правильнаго строенія рѣчи, и приобретаютъ стиль, отличающійся благозвучіемъ и ораторскою разсѣренностію¹⁾.

Лучшій риторъ изъ древнихъ писателей Квинтиліанъ тоже съ недоувѣріемъ относится къ методу импровизацій, при произношеніи публичныхъ рѣчей. Онъ рекомендуетъ писать упражняться въ письменныхъ работахъ) какъ можно усердѣе (какъ можно чаще. Письменная обработка рѣчей (говорить) дѣло, требующее большого труда, но за то обещающее юльшую пользу и великій успѣхъ. Безъ ясно обдуманнаго ряда мыслей способность говорить импровизаціи даетъ только густого болтуна и слова, рождающіяся на губахъ²⁾.

¹⁾ Cicerojis. De oratore. Lib. I, c. XXXIII, n 149—153. Cicero. opera I. p. 58—59. Parisiis

²⁾ Quintilian: Institutiones oratoriae. Lib. X, c. III, T II, p 238.

Такія же сужденія по этому вопросу мы встрѣчаемъ у представителей краснорѣчія новаго времени. Лордъ Брунгамъ (Brougham), одинъ изъ лучшихъ ораторовъ английскихъ, говорилъ объ этомъ предметѣ рѣчь въ 1860 году, въ качествѣ канцлера Эдинбургскаго университета. Указывая на Демосфена, который рѣшительнѣйшимъ образомъ возстаетъ противъ импровизаціи, онъ такъ выражается о публичной рѣчи безъ приготовленія: „Кто не имѣетъ естественнаго расположенія къ ораторству, тотъ въ этомъ случаѣ будетъ говорить совершенно дурно, а одаренный отъ природы по крайней мѣрѣ будетъ говорить безъ краснорѣчія. Ему можетъ попасться на мысль тонкое замѣчаніе, удачный образъ; но не твердая, небрежная и вялая дикція, неспособность излагать свои мысли въ надлежащей полнотѣ и давать имъ возможно лучшую и впечатлительную форму,—все это сдѣлаетъ изъ импровизатора обыкновеннаго болтуна. Иной ораторъ такого рода, пожалуй, никогда не спутается въ словѣ, но едва ли и одно изъ его словъ будетъ достойно слуханія. . Это заблужденіе—называть импровизацію естественнымъ краснорѣчіемъ, напросить, импровизація и неестественна и не краснорѣчива. Человѣкъ подъ вліяніемъ сильныхъ чувствъ или страстей, улекаемый тѣмъ, что наполняетъ его душу, конечно производитъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей и достигаетъ иногда безъ искусства высшей красоты. Языкъ страсти течетъ легко; онъ сжатъ и простъ,—совершенная противоположность расплывчатой болтливости движимаго импровизатора. Но онъ удается оратору опытному, развитому своимъ способностямъ образованіемъ. Въ этомъ состоитъ достоинство изученія: оно дѣлаетъ человѣка способнымъ во всякое время оказывать то, что только въ рѣдкихъ случаяхъ доставляетъ одна природа. Для исправленія недостатковъ нынѣшняго краснорѣчія нѣтъ лучшаго средства, какъ прилежное изученіе античныхъ образцовъ, въ особенности цѣломудренной красоты

греческой композиціи, и при этомъ строгая практика письменнаго приготовленія“.

Другой разъ, въ письмѣ къ отцу известнаго лорда Маколея, Брукгамъ еще рѣшительнѣе выражаетъ свою мысль противъ методы импровизацій. Говоря отцу Маколею о воспитаніи сына, онъ настаиваетъ, чтобы тотъ напередъ записывалъ свои рѣчи... Безъ сомнѣнія, это тяжелая работа, несомнѣнно болѣе тяжелая, чѣмъ говорить экспромптомъ; но она необходима, чтобы сдѣлаться совершеннымъ ораторомъ, совершенно необходима, чтобы привыкнуть къ правильной дикціи... Я иду далѣе и утверждаю, что до конца жизни нужно записывать рѣчи отъ слова до слова, если хотѣть, чтобы онѣ были прекрасными рѣчами. Спрашивается теперь: хочетъ ли вашъ сынъ быть великимъ ораторомъ, или нѣтъ? Другими словами, хочетъ ли онъ достигнуть почти неограниченной силы въ свободной странѣ оказывать добро для челоувѣчества, или не хочетъ этого? Если въ немъ есть это желаніе, онъ долженъ слѣдовать этимъ правиламъ ¹⁾.

Такія сужденія (могутъ сказать) относятся къ свѣтскому краснорѣчію, а не къ проповѣди церковной. Но проповѣдь, предлагаемая народу съ кафедры, такая же публичная рѣчь, какъ и всякая другая и, будучи такою, она не можетъ не подлежать общимъ законамъ краснорѣчія, хотя и имѣетъ свои специфическія особенности или видовыя отличія.

Обратимся къ авторитетнымъ представителямъ христіанскаго проповѣдничества и посмотримъ, какія у нихъ воззрѣнія на предметъ, нами обдуманый. Мы приводили выше сужденія по вопросу объ исполненіи проповѣдническаго долга, высказанныя главнѣйшими изъ христіанскихъ проповѣдниковъ, — св. Григоріемъ Богословомъ и св. Іоанномъ Златоустымъ. Они мало благопріятны для требующихъ отъ проповѣдника

¹⁾ Jüdische Homiletik, v. Maybaum. 1890, p. 160—163.

чистой импровизаціи. Св. Іоаннъ Златоустъ не только требуетъ непрерывнаго труда отъ людей, посвятившихъ себя служенію церковнаго слова, но внушаетъ имъ тщательнѣйшимъ образомъ составлять поученія не для того, чтобы снискать похвальные рукоплесканія, а для того, чтобы угодить Богу. Даже, по его указанію, чѣмъ большимъ талантомъ и образованіемъ отличается проповѣдникъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ему трудиться и заботиться о лучшемъ изготовленіи своихъ рѣчей, потому что отъ него большого ожидаютъ, и если онъ предложитъ слово, не отвѣчающее этимъ ожиданіямъ, то онъ подвергается осужденію отъ слушателей, и послѣ этого они не станутъ слушать его съ прежнимъ вниманіемъ. Людей, не отличающихся особеннымъ талантомъ, онъ предостерегаетъ отъ вступленія на кафедру для сообщенія народу слова назиданія, безъ приготовленія, указывая на ту опасность, какой они могутъ подвергаться во время сказыванія проповѣди „Если и способны говорить съ великою властію имѣютъ нужду въ постоянномъ упражненіи (говорить оны), то нисколько не приготовившійся ранѣе и принужденный думать объ этомъ во время самыхъ подвиговъ (т. е. во время сказыванія проповѣди) какія встрѣтитъ трудности, какое безвокойство, какое смущеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ“¹⁾.

Въ нашей русской духовной литературѣ наибольшимъ авторитетомъ пользуется покойный митрополитъ московскій Филаретъ, и его сужденіямъ до сихъ поръ придаютъ особенный вѣсъ, считая его руководителемъ въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ богословскаго вѣдѣнія. Но онъ былъ рѣшительный противникъ импровизаціи; всѣ свои проповѣди онъ писалъ впередъ, и даже многія изъ нихъ, прежде произношенія, посылались для просмотра и, въ случаѣ какой-либо обмолвки,

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста, слово о священствѣ 5-е, п. 5, 7 и 8. Твореній св. Іоанна Злат. Т. 1, кн. 2, стр. 455. 457. 458.

неправленія близкимъ къ нему подчиненнымъ лицамъ, къ которымъ относился съ довѣріемъ. И не разъ имъ высказываемо было мнѣніе о необходимости предварительнаго приготовленія проповѣдей, прежде ихъ произнесенія. По его мысли, въ 1829 году, написано было и потомъ напечатано было въ числѣ сочиненій студентовъ Московской духовной Академіи разсужденіе о томъ, что „церковныя поученія должны бытъ заблаговременно сочиняемы, потому что всего предпочтительнѣе осторожность и предусмотрительность въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ малѣйшее небреженіе влечетъ за собою гибельныя послѣдствія... И когда представимъ сіе, то, конечно, не удивимся, ежели и искуснѣйшій не осмѣлится произнести ничего такого, что не приготовлено имъ предварительно со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, и что не провѣрено не только собственнымъ его сужденіемъ, но даже сужденіемъ многихъ“¹⁾.—Одинъ изъ предстоятелей церковныхъ заявлялъ митрополиту Филарету, что онъ рѣшился приготовить церковныя поученія, какія говорилъ народу, не прежде, какъ во время литургіи. Митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ нему высказалъ слѣдующее: „нѣкоторые благоговѣйные люди замѣтили, что предстоятель долженъ предшествовать всѣмъ, находящимся въ церкви, непрерывнымъ вниманіемъ къ молитвѣ и къ таинству, а не оставлять оное безъ вниманія, занимаясь приготовленіемъ къ поученію“²⁾.

Другіе наши первоклассные проповѣдники или вовсе не пользовались импровизаціею, или, и владея свободнымъ словомъ, не считали импровизацію обычною для себя методою, и авторитетъ снискивали проповѣдями, надъ которыми они не мало потрудились.

Покойный Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій, обладалъ быстрою производительностію, и мысль бы

¹⁾ Нѣсколько разсужденій студентовъ Московской духовной Академіи (1829 г.). Ч. 1, стр 136—137.

²⁾ Письма митр. Филарета, изд. архіеп. Саввою. Т. 1, стр. 20.

была живая и обильная, но онъ никогда не рѣшался говорить проповѣди, не записавъ ея напередъ, и не стѣснялся выходить на кафедру съ заготовленною тетрадію, хотя лекціи свои въ академической аудиторіи онъ говорилъ наизусть. Причина такой предусмотрительности заключалась въ его высокомъ уваженіи къ церковной кафедрѣ, а поводомъ къ такому предусмотрительному образу дѣйствій былъ непріятный случай, какому онъ подвергся, при окончаніи академическаго курса въ 1835 году. На публичномъ экзаменѣ, по старому обычаю, онъ, какъ лучший студентъ, долженъ былъ говорить рѣчь предъ митрополитомъ и собравшеюся публикою. Рѣчь имъ была приготовлена и записана, просмотрѣна и одобрена Иннокентіемъ, бывшимъ тогда ректоромъ Киевской Академіи. Но вслѣдствие волнений, при торжественной обстановкѣ, память измѣнила ему, и онъ, вышедши говорить рѣчь, запнулся на первомъ словѣ, и не могъ продолжать рѣчи.

Не быть импровизаторомъ и преосвященный Никаноръ одесскій. Ему легко доставались его проповѣди, снискавшія ему славу оригинальнаго, сильного мыслителя, проповѣдника. Но всѣ онъ напередъ, предъ сказываніемъ, были записаны, и онъ не произноситъ ихъ наизусть, а обыкновенно читалъ по тетради. Самъ преосвященный харьковскій Аверосій, авторъ „Живого слова“, рекомендуя проповѣдникамъ говорить импровизованныя поученія, въ своей практикѣ далеко не всегда держался этой методы. На всѣхъ его проповѣдяхъ, издававшихся имъ, лежитъ печать труда мысли и труда не малаго, свидѣтельствующаго о томъ, что онъ много и, можетъ быть, долго обдумывалъ ту тему, разсужденіе о которой рѣшался предложить слушателямъ съ церковной кафедры. Да и извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ часто не самъ произносилъ свои проповѣди, а написавъ ихъ, поручалъ произносить ихъ одному изъ протоіереевъ. Знаменитый Иннокентій (Борисовъ) хотя владѣлъ и пользовался импро-

визованною рѣчью, особенно въ послѣдніе годы своего служенія, во слану знаменитаго проповѣдника пріобрѣлъ не импровизаціями своими, не проповѣдями послѣднихъ лѣтъ, а проповѣдями перваго цвѣтущаго періода своей жизни, надъ изготавленіемъ которыхъ онъ трудился очень тщательно.

Приведемъ въ примѣръ еще одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ,—протоіерея Родіона Путилина. Проповѣди его выдержали 17 изданій, что едва ли доставалось проповѣдническимъ произведеніямъ кого-либо другаго изъ нашихъ проповѣдниковъ. Проповѣди его весьма кратки по объему, и содержаніе ихъ самое простое, и языкъ такой, какой употребляется въ обыкновенномъ разговорѣ, безъ всякой изысканности. Казалось, что для такихъ простыхъ и краткихъ поученій не нужно никакого нарочитаго приготавленія. Между тѣмъ они ему не легко доставались: онъ много трудился надъ ними, и всѣ они имъ напередъ были записываемы. Самая простота ихъ, которою они особенно нравились, была плодомъ его заботливой обработки ихъ. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ¹⁾ напечатанъ отрывокъ изъ его дневника, и изъ него узнаемъ мы, какихъ заботъ, безпокойствъ и долгихъ размышленій стоило ему изготавленіе простыхъ, повидимому, не мудрыхъ, поученій. „И самое краткое поученіе (говоритъ онъ) не малаго труда мнѣ стоитъ: вчера, часа три, четыре я все рождалъ, и десять строкъ не больше успѣлъ написать. Да, я всю ночь мучился, не спалъ, по милости приготавленія поученія и доходилъ вчера до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда.. Тяжелое дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній!...—Вотъ искушеніе! Первый часъ за полночь, а я не сплю, и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ зав-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости. 1904, № 23, стр. 1041—2. „Изъ дневника протоіерея Р. Путилина“.

трему: ничего не могъ придумать. Отъ чего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ: нѣтъ, надобно, ... ужъ я не знаю, какъ сказать, что надобно: надобно измучиться, изъ силъ выбиться послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все-таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо, то есть, необходимо, чтобы свыше что-нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что-нибудь на толкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься ими, вѣрнѣе сказать, мучиться надъ поученіями?.. А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми изъ нихъ". Приготовляя поученіе, переводя обдумываемое содержаніе на бумагу, онъ часто не доволенъ былъ собою: не доволенъ былъ тѣмъ, что вылилось изъ-подъ пера его, и онъ отмѣчалъ въ дневникъ своемъ: „все не то, все не такъ. Такъ, что же? Такъ, какъ же? Господи! Вразуми меня. вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить; мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется".

Мы могли бы представить нѣсколько примѣровъ отрицательнаго отношенія къ методу импровизацій изъ исторіи иностранныхъ проповѣдниковъ. Но это могло бы завлечь насъ далеко, не представивъ новыхъ основаній къ уясненію вопроса, нами обсуждаемаго. Не можемъ, впрочемъ, не привести характернаго отвѣта на этотъ вопросъ одного изъ видныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ прошлаго столѣтія — Гармса. Этому Гармсу, снискавшему большой авторитетъ, и славящему выдающимся ораторомъ, говорилъ одинъ проповѣдникъ: „не правда ли, г. пробствъ, что вы теперь уже не записываете болѣе своихъ проповѣдей? Когда я былъ молодъ, я записывалъ ихъ, а теперь Духъ Святой даетъ мнѣ, что я долженъ говорить". Гармсъ отвѣчалъ: „я и теперь записываю всѣ свои проповѣди. Единственный разъ въ своей жизни не сдѣлалъ этого. Тогда Духъ Святой сказалъ,

мнѣ на кафедрѣ: Клавдій! Клавдій (такъ звали Гармса), ты лѣнивѣ сталъ! Ничего другого не сказалъ мнѣ: Духъ Свя-
тый“¹⁾).

Обратимся къ лучшимъ гомилетамъ иностраннымъ, и послушаемъ ихъ разсужденій по вопросу объ импровизаціи.

Какъ гомилетъ, особеннымъ авторитетомъ во французской литературѣ пользуется Жиберъ, писавшій свое гомилетическое сочиненіе въ самое цвѣтущее время французской проповѣди.—время Боссюэта, Бурдалу и Массильйона. Онъ рѣшительный противникъ импровизаціи и требуетъ непремѣннаго предварительнаго приготовленія проповѣдей. Являться на церковную кафедру безъ приготовленія, по его воззрѣнію, значитъ, во-первыхъ, показывать неуваженіе къ слушающимъ, и, во-вторыхъ, не считать достойнымъ заботъ такое высокое дѣло, какъ проповѣдничество. Проповѣдниковъ импровизаторовъ онъ называетъ авантюристами, которые съ безпечно-стію безразсудно пускаются въ широкое и опасное море христіанскаго краснорѣчія, и весьма часто терпятъ здѣсь кораблекрушеніе. Проповѣдники, слишкомъ полагающіеся на свой талантъ и выходящіе на кафедру съ такою же безпечностію и съ такимъ равнодушіемъ, съ какими они идутъ на прогулку, не понимаютъ величія своего служенія и забываютъ, что они имѣютъ бесѣдовать съ народомъ, ожидающимъ отъ нихъ не случайнаго слова, какое взбредетъ имъ въ голову и сорвется съ ихъ языка. Для надлежащаго выполненія проповѣдническаго долга, каждый разъ едва достаточно самое упорное приготовленіе, какъ бы ни былъ великъ талантъ у проповѣдника...

Кто хочетъ думать о томъ, что сказать, только въ минуту произнесенія проповѣди, тотъ искушаетъ Господа и легко можетъ остаться на мели, говорить очень дурно и вызвать укоръ и осмѣяніе. Выходить на кафедру безъ при-

¹⁾ Practische Theologie, v. Achelis. Theil. 1. § 113, S. 370.

готовления не значить слѣдовать внушеніямъ Святаго Духа а значить грѣшить противъ Духа Святаго, который хочетъ чтобы мы заботливо исполняли возлагаемыя на насъ обязанности, касающіяся труднаго и важнаго служенія слова.. Трудясь, вы достигнете того, что ваше слово произведетъ впечатлѣніе, а безъ труда едва-ли это возможно.

Могутъ иные освобождать себя отъ тяжелаго труда со ставленія проповѣдей подъ тѣмъ предлогомъ, что они вла тѣютъ отличнымъ талантомъ, при которомъ легко могутъ говорить приличные рѣчи безъ приготовления. Но какимъ бы геніемъ вы ни обладали, вы рискуете спуститься ниже по средственности, если не будете поддерживать его трудомъ. Сознаніе своего собственнаго таланта не должно быть для васъ основаніемъ лѣности и небрежности, а сильнымъ побужденіемъ къ труду. Пусть проповѣдники, полагаящіеся на свой талантъ и потому не трудящіеся, помнятъ примѣръ Господа о лѣнивомъ рабѣ, у котораго Онъ велитъ отнять талантъ, ему прежде вырванный... Когда проповѣдники достигаютъ извѣстной степени репутаціи, эта самая репутація обязываетъ ихъ съ особеннымъ усердіемъ заниматься своими про повѣдями: имъ нельзя быть болѣе посредственными. По сло вамъ Златоуста, народъ, у котораго проповѣдникъ достигъ славы, ожидаетъ отъ него чего-нибудь великаго, возвышен наго, удивительнаго, и если онъ не отвѣчаетъ его ожида ніямъ, онъ отвергается отъ него и презираетъ его ¹⁾

Другой французскій гомилетъ—Фенелонъ хотя не реко мендуетъ записывать и отъ слова до слова выучивать наизусть рѣчь, назначенную для публичнаго произнесенія, но не является защитникомъ импровизаціи въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ требуетъ тщательнаго, предварительнаго

¹⁾ L'éloquence chrétienne dans l'idée et dans la pratique, par le p. E. Gisbert, chap. XVIII. См. нашу англ. Гомилетика изъ новое время, стр 193—195

приготовленія той проповѣди или рѣчи, какую ораторъ или проповѣдникъ намѣренъ произнести. По его указанію, лучшая *метода изготовленія проповѣдей*—тщательное обдумываніе предмета, о которомъ хочетъ говорить проповѣдникъ,—обдумываніе не общее, а входящее во все частности. Ораторъ, обдумывая свою рѣчь, начертываетъ въ умѣ своемъ порядокъ мыслей, приготовляетъ сильныя выраженія, которыми выпуклѣе и впечатлительнѣе можетъ изобразить предметъ свой, вѣѣшиваетъ все доказательства, какими можетъ подкрѣпить все положенія, имъ защищаемыя или внушаемыя слушателямъ, придумываетъ извѣстное число патетическихъ мѣстъ. И вотъ, когда онъ выходитъ на кафедру,—онъ владѣетъ собою, говоритъ естественно, мысли текутъ изъ готоваго источника; его изложеніе живо и полно движенія¹⁾.

Нѣмецкіе протестантскіе гомилеты,—Шоттъ, Шлейермахеръ, Швейцеръ, Бассерманнъ,—все требуютъ приготовленія проповѣдей. Вопросъ здѣсь у нихъ не въ томъ, записывалась ли проповѣдь, а въ томъ, что нужно ли вообще готовить ее. Внутреннее приготовленіе, самое тщательное, не только рекомендуется ими, а вынуждается въ обязанности проповѣднику. Это приготовленіе проповѣди должно простирается не только на расположеніе или планъ проповѣди, не только на частныя мысли, служащія къ уясненію темы, но и самое изложеніе, даже на самое произношеніе.

Методы полной импровизаціи (говоритъ Шоттъ, авторъ замѣчательной „Теоріи краснорѣчія съ особеннымъ примѣненіемъ къ духовному краснорѣчію“) нельзя рекомендовать проповѣдникамъ и нельзя требовать введенія ея въ обычную проповѣдническую практику. Она можетъ быть до-

¹⁾ Dialogues sur l'éloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier Д. И. См нашу книгу: Гомилетика въ новое время. стр. 226.

пускаема въ особенныхъ случаяхъ, когда какое-либо обстоятельство вынуждаетъ проповѣдника къ скорой неожиданной рѣчи, когда вдругъ по какому-либо непредвидѣнному поводу приходится ему говорить въ собраніи. Могутъ попадаться избранные, высоко-даровитые ораторы, которые, безъ затрудненія и замѣшательства, складно и сильно могутъ экспромптомъ говорить о разныхъ предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ познанія. Но люди съ такими счастливыми дарованіями составляютъ своего рода рѣдкость. Да и они, выдающіеся таланты, состоятъ въ зависимости отъ благопріятныхъ настроеній, которыя не всегда въ ихъ власти. И для нихъ можетъ быть опасность, что въ минуту произнесенія рѣчи у нихъ не найдется приличная мысль, и они станутъ замѣнять ее повтореніями и многословіемъ, или прибѣгнуть къ общимъ мѣстамъ, и мало значительнымъ стереотипнымъ фразамъ¹⁾.

Швейцеръ, писавшій въ положеніи истекшаго столѣтія (Homiletik der evangelischen Kirche, systematisch dargestellt), руководству котораго германскіе компілеты (Краусъ²⁾, Ахелсцъ³⁾) придаютъ особенное значеніе, указываетъ три метода, какими пользуются проповѣдники: запись проповѣди отъ слова до слова, импровизація и тщательное внутреннее обдумываніе. Относясь неодобрительно къ методу записыванія проповѣди отъ слова до слова и выучиванія ея наизусть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряетъ и чистой импровизаціи. Импровизація, которая въ моментъ произнесенія проповѣди свискивается мысли и ихъ выраженія, кажется ему дѣломъ ненормальнымъ, которое нельзя вводить въ порядокъ вещей; при

¹⁾ Die Theorie der Beredsamkeit, mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, v. Schott. Dritt. Theil zweit. Abtheilung, S. 260—293. Компілетика изъ новое время. В. Пѣвницкаго, стр. 293

²⁾ Lehrbuch der Homiletik, 1883, S. 111

³⁾ Practische Theologie, 1890. § 90. S. 247.

ней и мысли и ихъ развитіе и изложеніе будутъ неудовлетворительны, но крайней мѣрѣ, не достигнутъ надлежащаго совершенства. Импровизацію только изъ нужды можно допускать, и проповѣдникъ, пользующійся ею, не вызываемый къ тому обстоятельствами, не заслуживаетъ извиненія. Чѣмъ важнѣе дѣло проповѣди, тѣмъ необходимѣе тщательное приготавленіе къ ней. Если находятся люди, которые думаютъ, что имъ не нужны ни правила, ни приготавленіе къ достойному совершенію проповѣдническаго дѣла, то нельзя не признать ихъ впадшими въ нетерпимое заблужденіе. Неумѣренное хватаніе случайныхъ летучихъ мыслей и выраженій, во время произнесенія импровизованной рѣчи, и легкомысленная болтовня, часто при этомъ замѣчаемая, заставляютъ предпочитать этому способу сказыванія проповѣдей всякій другой родъ приготавленія проповѣдей, какъ бы онъ ни былъ тяжель¹⁾.

Рѣзкое сужденіе объ импровизаціи высказалъ голландскій богословъ Остерцее, котораго практическое богословіе переведено почти на всѣ европейскіе языки²⁾. „Есть проповѣдники (говоритъ онъ), которые осмѣливаются почти безъ приготавленія говорить предъ общиною о высочайшемъ и святѣйшемъ и излагать народу сразу представившіяся мысли, часто въ помазанномъ тонѣ. Такое поведеніе мы представляемъ, какъ плодъ лѣности, высокомѣрія или печальнаго фанатизма и предаемъ публичному презрѣнію. Выражаясь мягко, это игра святынею, нечестивое искушеніе Бога, безсовѣстное пренебреженіе неотъемлемымъ правомъ общины на лучшее, то есть, на зрѣлые плоды нашего освященнаго размышленія объ откровенной тайнѣ Божіей. Отъ импровизаціи

¹⁾ Homileuk der evangelisch-protestantischen Kirche, systematisch dargestellt v. Al. Schweizer, 1848 §§ 214 и 215. В. Пѣвицкаго, стр 403—404.

²⁾ Osterzee, Practische Theologie Deutsche Ausgabe von Matthia und Petry. Bd. 1, S. 401.

вредъ для общины: въ этихъ бѣглыхъ проповѣдяхъ ей даютъ солому вмѣсто хлѣба,—вредъ и для проповѣдника: проповѣдническая дѣятельность отъ всего падаетъ, и проповѣдникъ дѣлается пустымъ болтуномъ, который высочайшее и святѣйшее унижаетъ и оскверняетъ фразами“.

Сужденіе Остерзее принимаетъ и повторяетъ Ахелисъ въ своемъ *Практическомъ богословіи*¹⁾. Онъ считаетъ недостаточнымъ внутреннее обдумываніе и усвоеніе проповѣдей, а рекомендуетъ записывать проповѣди. Онъ замѣчаетъ, что родъ приготовленія проповѣди, соответствующій психологическому закону, важности дѣла и нормальному дарованію, тотъ, чтобы проповѣдь заботливо вырабатывалась письменно. Онъ указываетъ, что всѣ выдающіеся представители духовнаго краснорѣчія буквально записывали свои проповѣди, и это указаніе подтверждаетъ свидѣтельствомъ Шустера, авторитетнаго представителя гомилетической литературы послѣдняго времени. Преимущество записыванія проповѣдей у Шустера выставляется въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) оно предохраняетъ отъ всѣхъ вредныхъ дѣйствій, какія могутъ производиться на духовнаго оратора въ часъ произношенія проповѣди неблагоприятное настроеніе или тѣлесное нерасположеніе проповѣдника, какіе-либо внезапные возмущающіе случаи въ собраніи, 2) облегчаетъ болѣе глубокое и богатое развитіе матеріи проповѣди, 3) даетъ ручательство за добрый порядокъ мыслей, 4) даетъ возможность обращать больше заботливаго вниманія на словесное изложеніе, и 5) даже на усовершенствованіе произношенія²⁾

За запись проповѣдей стоятъ и Юнгманъ, авторъ „Теоріи духовнаго краснорѣчія“, служащей однимъ изъ лучшихъ гомилетическихъ руководствъ въ нѣмецкой римско-ка-

¹⁾ Achelis. Practische Theologie, 1890—1. Theil 1, § 113, S. 369—370.

²⁾ Achelis. Practische Theologie, § 115, S. 374—377.

толической литературѣ, ссылаясь на лучшіе авторитеты, начиная съ Квинтиліана.

Что же? Какое заключеніе мы поставимъ послѣ приращенія сужденій авторитетныхъ мужей по вопросу, нами поставленному? Ужели совершенно осудимъ методу импровизаций, какъ методу непригодную?

Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ такого заключенія. Та и другая метода,—метода импровизаций и метода тщательнаго приготовленія проповѣди, чрезъ записъ или чрезъ одно внутреннее обдумываніе и усвоеніе содержанія проповѣди,—могутъ быть употребляемы въ дѣло. Предписывать исключительно одну изъ этихъ методовъ, заставлятъ слѣдовать непременно одной изъ нихъ,—это могло бы повести къ уменьшенію числа проповѣдниковъ,—чрезъ это мы могли бы привести къ молчанію такихъ людей, которые могли бы быть украшеніемъ церковной кафедры. Таланты и расположенія людей различны, и пусть каждый въ своей проповѣднической практикѣ сообразуется съ своими природными расположеніями. Кто безъ стѣсненія можетъ импровизировать, не боясь замѣшательства, кто владѣетъ свободнымъ словомъ,—пусть импровизируетъ. Кто, приготовляя проповѣдь, находитъ возможнымъ довольствоваться однимъ внутреннимъ обдумываніемъ, безъ записи своихъ мыслей на бумагѣ,—пусть слѣдуетъ этой методѣ. А много и такихъ, для которыхъ такое приготовленіе недостаточно, и которые, не боясь конфуза, могутъ провозносить только записанное. Зачѣмъ запрещать такимъ выступать на кафедру съ словомъ, напередъ записаннымъ? Здѣсь мы можемъ привести слово апостола Павла, которому возвѣстили, что многіе различно и по разнымъ побужденіямъ проповѣдуютъ благовѣстіе Христово; онъ замѣнилъ по этому

²¹ Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Academische Vorlesungen, v. Joseph Jungmann. 1877. Fünfter Abchnitt, XV Kapitel, § 4, s. 1149—1157, *Полнотыкъ въ пошое слово К. Иосифовича* стр. 484—491

поводу: что жъ до того? Каки-ль бы образомъ ни проповѣдывали Христа (притворно или искренно), я и тому радуюсь, и буду радоваться (Фил. 1, 18). Если онъ не отвергалъ притворнаго благовѣствованія о Христѣ, то, конечно, не сталъ бы подвергать осужденію тѣ, въ нравственномъ отношеніи невинные, способы, какими пользовались и пользуются позднѣйшіе проповѣдники Евангелія, исполняя служеніе церковнаго слова, сообразуясь съ своими личными способностями.

Мы не рѣшаемся и не можемъ рекомендовать и предписывать всѣмъ импровизировать на церковной кафедрѣ, хотя готовы воздать подобающую честь способному импровизатору,—не можемъ потому, что для хорошей импровизаціи требуются многія дарованія, трудно соединимы въ одномъ видѣ. Съ импровизованнымъ словомъ безбоязненно можетъ выступать такой человекъ, у котораго быстрая мысль, живое воображеніе, отличная память, свободное выраженіе, и при этомъ спокойствіе и полное самообладаніе, при которомъ человекъ не можетъ смѣшаться ни при какихъ возмущающихъ обстоятельствахъ. Но многіе ли владѣютъ такими дарами? А когда дюжинный человекъ, съ средними дарованіями, выступаетъ съ импровизованнымъ словомъ, у него чаще всего мысль не отчетливая, рѣчь вялая, расплывчатая, не впечатлительная, и случаются грубыя обмолвки, lapsus linguae, могущія вызвать строгое осужденіе на проповѣдника.

Болѣе нормальная и болѣе безопасная метода проповѣдничества—тщательное приготовленіе проповѣдей. Она основывается на психологическихъ началахъ. Что хочетъ предписывать наука, какъ обязательное правило для всѣхъ, то должно быть рассчитано на людей средняго уровня, какихъ большинство. А для такихъ было бы большою смѣлостію пользоваться, при исполненіи проповѣдническаго служенія, методомъ импровизаціи. Какъ бы ни былъ силенъ умъ, мысль при

первоначальномъ зарожденіи является не сформировавшеюся; въ ней не созрѣли составныя части, не выдѣлялись члены. Нужно напряженіе и, пожалуй, напряженіе не малое, чтобы изъ этого зародыша образовался организмъ, и приличное слово не всегда сразу найдется для возникающей и быстро формирующейся въ умѣ мысли. Тѣмъ болѣе нельзя разсчитывать на силу слова, доходящаго до раздѣленія души и духа. А когда проповѣдникъ хорошо подготовилъ то, что предполагалъ сказать, онъ является хозяиномъ своего слова, съ увѣренностію имъ распоряжающимся. У него все пѣешено и обдуманно; ему не угрожаетъ опасность смѣшаться и запутаться и сказать что-либо, мало достойное церковной кафедры, хотя бы въ какомъ-либо несприличномъ сравненіи и грубой фразѣ.. И слушатели болѣе могутъ цѣнить его рѣчь, когда они видятъ, что проповѣдникъ выноситъ не случайно и мгновенно попавшееся ему слово, а выношенное имъ и созрѣвшее у него въ глубинѣ его сердца, и они платятъ ему полнымъ вниманіемъ. Если же слышится ими не твердая и обнѣчивая рѣчь импровизатора, въ ихъ глазахъ умалется цѣна рѣчи и ея внутренняго содержанія, и ими овладѣваетъ непріятное чувство боязни, какъ бы не сбился и не смутился проповѣдникъ, когда они видятъ, что предъ ними мысль проповѣдника является въ не легкихъ мукахъ рожденія.

Нечего стыдиться и записи проповѣдей отъ слова до слова, нечего стѣсняться выходить на церковную кафедру и съ рукописью въ рукахъ, когда вы не обладаете счастливою памятію, и не можете быть увѣрены въ томъ, что безъ пособія рукописи вы безъ всякаго замѣшательства и съ полнымъ успѣхомъ выполните свое дѣло.

Суть дѣла, при достойномъ выполненіи проповѣдническаго служенія, вовсе не въ той или другой манерѣ составленія и приготовления проповѣдей, не въ томъ, импровизаціею ли вы говорите, или тщательно и подробно обдумываете

свою проповѣдь, или буквально записываете все, что имѣете сказать. Въ дѣлѣ проповѣдничества это вѣдшее условіе проповѣдническаго служенія имѣетъ второстепенное значеніе. Проповѣдь можетъ быть хороша и оказывать свое дѣйствіе при той, другой и третьей методѣ проповѣдничества, равно какъ и обратно—проповѣдь можетъ не отвѣчать своему назначенію, какою бы методою вы ни пользовались въ своей практикѣ.

Суть дѣла въ томъ, чтобы проповѣдникъ искренно былъ преданъ дѣлу вѣры и дѣлу спасенія своихъ братій, чтобы въ его груди теплился и, когда нужно, воспламенялся огонь благочестиваго одушевленія. Если въ немъ есть много одушевленія, изъ его устъ будетъ раздаваться впечатлительное слово, какъ бы онъ ни приготавливалъ его. Этимъ огнемъ будетъ согрѣваться его душа, когда онъ въ своемъ кабинетѣ при уединенномъ размышленіи будетъ обдумывать, что сказать своимъ слушателямъ, которымъ онъ долженъ нести спасительное слово благовѣстія. И этотъ огонь не угаснетъ, если онъ будетъ предавать письмуто, чѣмъ возбуждена и занята душа его. Напротивъ, чрезъ эту запись, отвердѣютъ волнующіяся летучія мысли и, получивъ наглядную форму, онѣ, какъ дрова, положенныя подъ сосудъ съ водою, будутъ поддерживать и все боѣе возжигать пламя, движущее и согрѣвающее душу проповѣдника. И когда настанетъ часъ выступить предъ лице братій слово спасенія, выношенное проповѣдникомъ въ минуту кабинетнаго размышленія и, пожалуй, записанное письмени,—одушевленіе, хранящееся въ душѣ его, преданной дѣлу Божию, дѣлу вѣры и спасенія, проявится съ новою силою, разгорится яркимъ пламенемъ, при видѣ множества людей, жующихъ отъ него святаго названія.

По этому вопросу достойный вниманія отвѣтъ даетъ пѣмецкій гомилетъ Тереминъ, словами котораго о трудности проповѣдническаго служенія мы начали статью свою. Къ его

сочиненію „*Краснорѣчіе добродѣтели или основныя черты систематической риторики*“ приложенъ разговоръ „о духовно изъ краснорѣчіи“, въ которомъ молодой человекъ, посвящающій себя дѣлу проповѣдничества, желая уяснить себѣ, какъ лучше выполнять это дѣло, обращается за совѣтомъ къ опытному проповѣднику, и предлагаетъ ему нѣсколько вопросовъ, въ надеждѣ получить отъ него указаніе лучшей методы проповѣдничества. Между этими вопросами стоитъ вопросъ о томъ, записывать ли проповѣди и потомъ выучивать ее наизусть, или импровизировать, и другой, близкій къ нему, вопросъ о томъ, писать ли проповѣди по правиламъ школы, слѣдуя установившейся традиціи или, ничѣмъ не стѣсняясь, предоставить свободу своей личности.

Опытный мужъ (т. е. Тереминъ) по этому поводу отвѣчаетъ, что вопросы подобнаго рода не касаются существа дѣла, а побочныхъ, второстепенныхъ вещей. Не въ томъ главное условіе успѣшнаго проповѣдничества, а совершенно въ другомъ. Можно проповѣдывать и такъ и сякъ, — какъ позволяютъ обстоятельства, личныя расположенія и способности проповѣдника. Чтобы направить молодого человека на правильный путь и указать ему, въ чемъ заключается секретъ успѣшнаго проповѣдничества, опытный мужъ, съ своей стороны, предлагаетъ ему нѣсколько вопросовъ, которые совершенно въ другую сторону должны направить его вниманіе. Онъ спрашиваетъ молодого человека: 1) Считаешь ли ты себя грѣшникомъ, и болитъ ли сердце твое скорбію о грѣхѣ? 2) Читаешь ли библію? Читаешь ли ее, не какъ ученые, занимающіеся критикою и изслѣдованіемъ текста, а какъ простой благочестивый христіанинъ, какъ почтительный сынъ читаетъ посланіе возлюбленнаго отца, живущаго вдали отъ него? Слагаешь ли въ своемъ сердцѣ драгоценныя слова, именно какъ бы для тебя сказанныя Богомъ? 3) Молишься ли Богу? Обращаешься ли къ своему небесному Отцу, къ

своему Спасителю съ такимъ чувствомъ и расположеніемъ, съ какимъ дитя обращается къ своему отцу? Повергаешь ли предъ всемогущимъ и милосерднымъ Господомъ все свои нужды, великія и малыя, духовныя и земныя?.. Если ты не можешь отвѣчать утвердительно на эти вопросы, то ты не можешь проповѣдывать впечатлительно ¹⁾).

В. Пивницкій.

¹⁾ Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. Thoremin, 1888. S. 180—197. Говилетика въ новое время послѣ реформации Лютера. В. Пивницкій, стр 334—335.